

ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСС ЖӘНЕ КРИМИНАЛИСТИКА УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.14

Ч.Д.Кенжетаев

*Казахская академия труда и социальных отношений, Алматы
(E-mail: kuba07@inbox.ru)*

Меры принуждения в контексте их целевого предназначения

В статье рассматриваются вопросы несоответствия положений общей логики уголовного процесса с фактическим состоянием норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, описывающих принуждение в уголовном процессе. Автор касается сложных вопросов определения целей мер пресечения и иных мер принуждения, отдельных элементов регулирования данных институтов, детально описывает их, применяя дедуктивный метод исследования. По результатам исследования автор делает вывод об однозначном несовершенстве анализируемых норм, необходимости изменения части статей, входящих в комплекс мер пресечения и мер принуждения в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан.

Ключевые слова: меры уголовно-процессуального принуждения, меры пресечения, цели применения мер пресечения, цели применения мер принуждения, основания применения мер пресечения, обязательство о явке, содержание под стражей, временное отстранение от должности, подписка о невыезде и надлежащем поведении.

В период современного состояния подхода к реформированию законодательства в Республике Казахстан и рожденного в контексте такого подхода нового Уголовно-процессуального кодекса нельзя не коснуться яркого, на наш взгляд, примера существования норм, содержание которых вызывает вопросы сугубо функционального соотношения отдельных элементов уголовно-процессуального регулирования между собой. При этом, казалось бы, данные элементы не могут быть выражены в виде отдельных норм, поскольку стройность и «системность» общего законодательства определяется, прежде всего, таким структурированием, которое последовательно выражает те или иные идеи, и от отдельных норм здесь ничего не зависит. Частично соглашаясь с такой логикой, заметим, что зачастую она выражается еще и в содержании отдельных норм, задающих тон стилю прочих последующих конструкций. Кроме того, с позиции дедукции определение общей нестройности во многом связано именно с конкретным анализом этих самых отдельных норм, нежели чем с индуктивным абстрагированием. Именно поэтому изучение нами отдельных норм мер пресечения, мер принуждения имеет такой значимый характер для реализации общей идеи принуждения в уголовном процессе как на уровне мер пресечения, так и на уровне прочих мер принуждения.

Изучению мер принуждения ранее в уголовно-процессуальной науке уделялось большое внимание. Так, из отечественных авторов следует упомянуть работы А.Н. Ахпанова [1], Т.А. Ханова [2], И.П. Корякина [3]. Заметим, что все эти ученые исследовали сущность мер принуждения в концепции уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан до 2015 г. Среди авторов общесоюзного значения, исследовавших сущность мер принуждения, следует назвать Б.Б. Булатова [4], В.А. Михайлова [5] и, конечно же, И.Л. Петрухина [6]. Относительно новыми, свежими в уголовном процессе России являются работы Р.Р. Магизова [7], И.Б. Тугынина [8]. Безусловно, вызывает интерес ряд работ, посвященных узким моментам применения отдельных мер принуждения [9].

Однако, несмотря на то, что перечисленные труды включают большой объем предыдущих исследований, нельзя не учитывать тот факт, что любое новое законодательство способно значительно изменить теоретические воззрения на структуру явления, тем более, что оно является следствием су-

существенного изменения структуры уголовно-процессуального закона в виде нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан. В этой связи аналитическая работа по исследованию структуры норм, регулирующих те или иные отношения в новом уголовно-процессуальном законодательстве, во многом связана со сравнением отдельных элементов этих норм между собой, установлением логики их функционирования. Эта первоочередная задача зачастую нивелирует сравнительный анализ с трудами ученых, изучавших то или иное явление ранее. При этом такое нивелирование весьма оправданно. Его конечный внешний вариант выражается в небольшом количестве сносок, что понятно, ибо качество работы не зависит от обилия заимствованных точек зрения.

Заметим, что точек зрения на сущность мер пресечения, мер принуждения и принуждения в целом в правовой науке более чем достаточно. Вместе с тем какая-либо польза от анализа этих точек зрения с позиции исследования состояния данного явления в отечественном законодательстве минимальна. Во многом это связано с тем, что во всем противоречивом множестве мнений о сущности принуждения в уголовном процессе основой их формирования является именно законодательство, выполняющее роль примата. Однако оно имеет тенденцию к переменам. Более того, существуют и различные подходы к пониманию принуждения с позиции отраслевого абстрагирования, в связи с чем наиболее верным в нашем исследовании является опора на действующее уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан.

Именно поэтому необходимо сразу заметить что в контексте существующего уголовно-процессуального законодательства законодатель не предлагает каких-либо разъяснений понятий мер принуждения, мер пресечения, исключая из норм, представляющих данные нормы, даже элементарные разъяснения их сущности, целей их применения.

Впрочем, единственным его комментарием общетеоретического состояния мер пресечения все же является указание на цель их применения, причем указание логическое, а не явное: «при наличии достаточных оснований полагать, что подозреваемый, обвиняемый скроются от органов уголовного преследования или суда, либо воспрепятствуют объективному расследованию дела или его разбираемости в суде, либо будут продолжать заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора, орган, ведущий уголовный процесс, в пределах своих полномочий вправе применить к этим лицам одну из мер пресечения, предусмотренных статьей 137 настоящего Кодекса» (см. ч. 1 ст. 136 «Основания для применения мер пресечения» Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан). Заметим, что основой такой законодательной трактовки сущности мер пресечения является указание на цели применения мер пресечения, без всякого описания их сущности, соотношения функционального предназначения, целей и частных задач, стоящих перед ними. В принципе, это ненормально, ибо с описанием сущности мер пресечения, конечно же, не справляется. Вместе с тем, сразу не генерируя нового понятия мер пресечения в законодательном их понимании, попытаемся определить логичность законодательного подхода как категории, которая, возможно, не нуждается в каком-либо изменении. Действительно, вполне разумным было бы предположить, что такое упрощенное понимание мер пресечения, исходя только лишь из их целевого предназначения, уже само по себе самодостаточно. Именно исходя из этих целей мы попытаемся осуществить анализ внутренних составляющих норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан в части содержания главы 18 Кодекса «Меры пресечения» и отдельных норм главы 19 этого же Кодекса «Иные меры процессуального принуждения». Заметим вновь, что такой анализ не нуждается в использовании других точек зрения, точек зрения других ученых, что связано, прежде всего, с тем, что после принятия обсуждаемого Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан таких исследований еще попросту не было. Учитывая то обстоятельство, что наше исследование носит целиком прикладной характер и связано с самим анализом Кодекса, другие виды анализа здесь не имеют смысла.

Итак, проведем данный анализ. В части 1 статьи 137 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Меры пресечения и дополнительные ограничения» перечисляются все меры пресечения, которые законодатель определил в качестве таковых. Это:

- подписка о невыезде и надлежащем поведении;
- личное поручительство;
- передача военнослужащего под наблюдение командования воинской части;
- отдача несовершеннолетнего под присмотр;
- залог;

- домашний арест;
- содержание под стражей.

Данный список носит исчерпывающий характер.

При этом сущность первой из перечисленных мер пресечения определяется ст. 141 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, носящей одноименное с мерой пресечения название. Согласно тексту данной нормы целями настоящей меры пресечения являются:

- обеспечение нахождения лица в населенном пункте проживания без соответствующего разрешения;
- обеспечение беспрепятствования лицом расследованию и разбирательству дела в суде;
- обеспечение явки по вызовам органа, ведущего уголовный процесс, в назначенный срок.

Из настоящего текста следует сделать вывод о том, что если под фактическим невыездом следует понимать первую из перечисленных целей, то понятие «надлежащее поведение» обнимает собой две последующие цели, т.е. беспрепятствование расследованию и разбирательству дела в суде и обеспечение явки по вызовам органа, ведущего уголовный процесс в указанный срок.

На основе названия настоящей статьи было бы логичным полагать, что «надлежащее поведение» — это именно беспрепятствование и явка, ибо указаний на другие трактовки уголовно-процессуальный закон не содержит. Исходя из этого мы переходим к сравнительному исследованию прочих мер пресечения в их законодательной редакции.

Так, личное поручительство, будучи предусмотренным ст. 142 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Личное поручительство», на уровне целей его применения предполагает, что «лица, заслуживающие доверие, ручаются за надлежащее поведение подозреваемого, обвиняемого и явку их по вызову органа, ведущего уголовный процесс». Такая формулировка целей применения личного поручительства предполагает то обстоятельство, что явка лица по вызову органа, ведущего уголовный процесс, не входит в надлежащее поведение и является самостоятельной целью применения меры пресечения, что создает некоторое противоречие со смыслом ст. 141 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Подписка о невыезде и надлежащем поведении», описанном нами выше.

Заметим, что ст. 143 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Наблюдение командования воинской части за военнослужащим» на уровне целей также разделяет в качестве отдельных элементов надлежащее поведение и явку. Такой же вывод следует сделать и из содержания ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Отдача несовершеннолетнего под присмотр».

Совершенно другой подход наблюдается исходя из трактовки текста ст. 145 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Залог», которая указывает на то, что залог вносится лишь с целью обеспечения «явки к лицу, осуществляющему досудебное расследование, прокурору или в суд по их вызову».

Иначе законодатель подходит к вопросу целевого применения мер пресечения, предусмотренных ст. 146 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Домашний арест» и ст. 147 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Содержание под стражей». Здесь законодатель и вовсе не указывает цели применения данных мер пресечения, предоставляя правоприменителю самому догадаться и сделать выбор, что в принципе весьма отрицательно сказывается на правоприменении в этой области, ибо лишает всех участников процесса каких-либо критериев в дискуссии о правомерности либо неправомерности избрания обеих мер пресечения.

Обсуждение вопроса целевого использования, применения мер пресечения во многом не может быть оторвано от указания на цели применения мер принуждения в целом. Такая необходимость связана с некоторыми коллизиями в применении мер пресечения и мер принуждения. При этом следует заметить, что целями применения мер принуждения являются:

- обеспечение предусмотренного Уголовно-процессуальным кодексом Республики Казахстан порядка расследования, судебного разбирательства по уголовным делам;
- обеспечение надлежащего исполнения приговора.

Указание на эти цели четко фигурирует в части 1 ст. 155 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Основания для применения иных мер процессуального принуждения». Между тем в тексте статей, описывающих сущность применения отдельных мер принуждения, мы можем увидеть элементы, не характерные для иных мер принуждения и в большей степени относящиеся

к целям мер принуждения. Так, согласно тексту ст. 158 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Временное отстранение от должности» следственный судья либо суд могут отстранить обвиняемого, «при наличии достаточных оснований полагать, что, оставаясь на этой должности, он будет препятствовать расследованию и разбирательству дела в суде, возмещению причиненного преступлением ущерба или продолжать заниматься преступной деятельностью, связанной с пребыванием на этой должности, при отсутствии оснований для избрания меры пресечения в виде содержания под стражей».

Анализ настоящего текста позволяет указать на несколько моментов, имеющих противоречивое значение. При этом следует заметить, что фактические основания для применения меры пресечения, предусмотренной ст. 147 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Содержание под стражей» и ст. 158 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Временное отстранение от должности», в принципе одни и те же — конкретные факты, указывающие на возможность препятствования расследованию, выраженные в различных условиях, перечисленных частью 1 ст. 147 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Содержание под стражей». Однако в случае с временным отстранением от должности предполагается, что к нему не может быть применена сама мера пресечения «Содержание под стражей». Другими словами, исходя из формулировки «при наличии достаточных оснований полагать» (см. ч. 1. ст. 158 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Временное отстранение от должности»), они вроде бы как есть, однако при всем этом мера пресечения «Содержание под стражей» применена быть не может. Такой контекстуальный парадокс определяется соотношением пункта 7 части 1 ст. 147 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Содержание под стражей» и указанного выше элемента части 1 ст. 158 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Временное отстранение от должности». Кроме того, учитывая возможность сочетания применения мер принуждения и мер пресечения, не имеющую место в случае с применением мер пресечения, допускается одновременное применение иной меры принуждения, указанной в ст. 158 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Временное отстранение от должности», и мер пресечения, за исключением ст. 147 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Содержание под стражей».

При этом заметим, что указанная нами схожесть регулирования является особенной и характерна не только для временного отстранения от должности. Цели применения прочих иных мер принуждения не конкурируют с целями применения мер пресечения в целом, обозначенных в части 1 ст. 136 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Основания для применения мер пресечения», — предотвращения того, что «подозреваемый, обвиняемый скроются от органов уголовного преследования или суда либо воспрепятствуют объективному расследованию дела или его разбирательству в суде, либо будут продолжать заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора».

Так, похожая ситуация наблюдается при анализе соотношения ст. 156 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Обязательство о явке к лицу, осуществляющему досудебное расследование, и в суд» и такой меры пресечения, как «Подписка о невыезде и надлежащем поведении», предусмотренной ст. 141 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан. Здесь применение обеих мер прямо предполагает наличие достаточных оснований. Однако формулировка ст. 156 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Обязательство о явке к лицу, осуществляющему досудебное расследование, и в суд», так же как и в предыдущем случае, допускает выражение «при отсутствии необходимости применения меры пресечения», что ставит правоприменителя перед проблемой: каким образом должен разрешаться вопрос о применении данных мер, ибо и в том и в другом случае есть основания для применения этих самых мер, а специфических условий для выбора конкретной меры пресечения, кроме загадочного указания на отсутствие необходимости, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан не предоставляет.

Еще одним моментом, требующим своего описания, является случай соотношения общих целей применения мер пресечения и целей применения такой иной меры принуждения, как наложение ареста на имущество. Сложность ситуации заключается в том, что иная мера принуждения, предусмотренная ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Наложение ареста на имущество», предполагает ее избрание в целях обеспечения приговора.

Аналогичный случай предусматривает законодательство и для мер пресечения в целом, применяемых согласно тексту части 1 ст. 136 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан

«Основания для применения мер пресечения». Меры пресечения применяются для обеспечения приговора суда. Вместе с тем изучение всех мер пресечения, перечисленных в части 1 ст. 137 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, позволяет сделать вывод об отсутствии у данных мер принуждения исполнения приговора в качестве специфической цели. Никакого упоминания об этом нет ни в одной статье, которая посвящена конкретике их функционирования. В таком контексте следует сделать вывод о том, что либо упоминание о применении мер пресечения, исходя из целей обеспечения приговора суда, нехарактерно для мер пресечения в целом и является специфической целью наложения ареста на имущество, т.е. ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Наложение ареста на имущество», либо ее указание в качестве таковой по отношению к мерам пресечения носит общевыраженный характер. Однако такое общевыраженное отношение не имеет никакого функционального значения, ибо, опять же, не находит своего отражения в специфике применения конкретных мер принуждения. В этой ситуации, исходя из целей устранения противоречий между целевым применением мер пресечения и иных мер принуждения, полагаем правильным устранить эти противоречия посредством исключения из ст. 136 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Основания для применения мер пресечения» всякого упоминания о применении мер пресечения для исполнения приговора суда.

Общий анализ соотношения целей мер пресечения, предусмотренных главой 18 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Меры пресечения» и главой 19 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Иные меры процессуального принуждения», позволяет сделать вывод о том, что цели применения двух из иных мер принуждения, указанных нами выше, совпадают с целями мер пресечения. Это предполагает, что существование указанных иных мер принуждения не вызвано необходимостью.

Детально проанализируем такое предположение.

Так, полагаем, что по степени тяжести такая иная мера принуждения, как отстранение от должности является не менее действенным способом влияния на лицо, чем такая мера пресечения, как личное поручительство (см. ст. 142 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Личное поручительство»), подписка о невыезде и надлежащем поведении (см. ст. 141 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Подписка о невыезде и надлежащем поведении»). Такой вывод следует и из тяжести последствий данной меры принуждения, которая фактически лишает лицо заработка и по своему характеру весьма схожа с решением суда о лишении права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью. Кроме того, учитывая, что решение о принятии данной меры принуждения принимается следственным судьей, судом, тоже можно сделать вывод о весьма высоком уровне данной меры принуждения.

Исходя из перечисленных аргументов, а также принимая во внимание, что целью применения иной меры принуждения, предусмотренной ст. 158 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Временное отстранение от должности», является исключение возможности воспрепятствования расследованию и продолжения занятию преступной деятельностью, что, на наш взгляд, является целью, характерной лишь для мер пресечения, полагаем правильным включить указанную меру принуждения в список мер пресечения с соответствующими техническими изменениями в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан.

Несколько иная ситуация связана с конкуренцией меры пресечения, предусмотренной ст. 141 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Подписка о невыезде и надлежащем поведении», и иной меры принуждения, предусмотренной ст. 156 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Обязательство о явке к лицу, осуществляющему досудебное расследование, и в суд». Изучение последней свидетельствует о том, что в ней отсутствует какая-либо необходимость ввиду того, что она может быть успешно заменена такой мерой пресечения, как «Подписка о невыезде и надлежащем поведении». Конечно, возникает вопрос о том, что подписка о невыезде, в отличие от обязательства о явке, предполагает невозможность лица выехать за пределы населенного пункта, что является дополнительным ограничением. Однако заметим, что такое ограничение носит временный характер. Более того, оно зависит еще и от разрешения лица, осуществляющего производство по делу, поэтому не носит абсолютного характера и в экстренных случаях может быть отменено самим лицом, осуществляющим производство по делу. Такой подход гораздо более организованно отражает ход предварительного следствия и судебного разбирательства, ибо позволяет лицу, осуществляющему производство по делу, осуществлять постоянный контроль за нахождением лица, в отличие от обязательства о явке, где лицо не связано какими-либо разрешениями лица, осуществляющего производство по делу. Что же касается возможности применения такой иной меры принуждения

к свидетелю и потерпевшему, а также к прочим участникам, не являющимся подозреваемым или обвиняемым, то отметим, что обязанность явки в органы следствия и суда указанных лиц уже и без того фигурирует в специфических статьях, определяющих их статус (см. ч. 8 ст. 71 «Потерпевший», ч. 4. ст. 78 «Свидетель», ч. 5. ст. 79 «Эксперт», ч. 5. ст. 80 «Специалист», ч. 5 ст. 81 «Переводчик», ч. 6. ст. 82 «Понятой» Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан). В связи с этим такая норма просто излишняя, и поэтому, мы полагаем, она должна быть исключена из Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан.

Список литературы

- 1 *Ахпанов А.Н.* Проблемы уголовно-процессуального принуждения в стадии предварительного расследования. Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. — М., 1997. — 300 с.
- 2 *Ханов Т.А.* Имущественные вопросы в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. — Алматы, 2006. — 40 с.
- 3 *Корякин И.П.* Проблемы применения следователем мер пресечения по делам о преступлениях, совершенных организованными преступными группами // Актуальные проблемы права: Сб. науч. тр. молодых ученых, адъюнктов и соискателей. — Караганда: КВШ ГСК Республики Казахстан, 1998. — Вып. 5. — С. 86–89; *Корякин И.П.* Проблемы применения следователем отдачи несовершеннолетнего под присмотр как меры пресечения // Проблемы уголовно-процессуального права: Сб. науч. тр. — Караганда: КВШ КНБ Республики Казахстан, 1999. — С. 140–142; *Корякин И.П.* Проблемы обеспечения надлежащего поведения по делам об организованной преступности // Актуальные проблемы права: Сб. науч. тр. молодых ученых, адъюнктов и соискателей. — Караганда: КВШ МВД Республики Казахстан, 1999. — Вып. 6. — С. 147–150.
- 4 *Булатов Б.Б., Николок В.В.* Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК России). — М.: Спарк, 2003. — 214 с.
- 5 *Михайлов В.А.* Меры пресечения в российском уголовном процессе. — М.: Право и Закон, 1996. — 304 с.; *Михайлов В.А.* Уголовно-процессуальные меры пресечения в судопроизводстве Российской Федерации. — М.: Ин-т защиты предпринимателя, 1997. — 643 с.
- 6 *Петрухин И.Л.* Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. — М.: Наука, 1989. — 256 с.
- 7 *Магизов Р.Р.* Судебный контроль за законностью и обоснованностью применения мер процессуального принуждения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. — Нижний Новгород, 2004. — 30 с.
- 8 *Тутынин И.Б.* Наложение ареста на имущество как мера уголовно-процессуального принуждения: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. — М., 2005. — 213 с.
- 9 *Абдрахманов Р.П.* Проблемы уголовно-процессуального задержания // Законность. — 2003. — № 3. — С. 21, 22; *Альмухамедов Б., Булатов Б.* Привод и денежное взыскание // Законность. — 2003. — № 3. — С. 22; *Анашкин О.* Исчисление срока содержания под стражей // Законность. — 2003. — № 8. — С. 43–45; *Багаутдинов Ф.Н.* Временное отстранение обвиняемого от должности // Законность. — 2003. — № 4. — С. 13–16; *Багаутдинов Ф.Н.* Наложение ареста на имущество и ценные бумаги по УПК РФ // Юрист. — 2003. — № 1. — С. 41–47; *Багаутдинов Ф.Н.* Новая мера пресечения в УПК Российской Федерации — домашний арест // Законность. — 2002. — № 10. — С. 14–16.

Ч.Д.Кенжетаев

Мәжбүрлеу шараларының мақсатты тағайындалуы

Мақалада қылмыстық процестің жалпы логика ережелерінің қылмыстық процесте мәжбүрлеуді бейнелейтін Қазақстан Республикасы Қылмыстық-процессуалдық кодексе нормаларының нақты жағдаймен сай еместігі туралы сұрақтар қарастырылды. Автор бұлтартпау шаралары мен басқа да мәжбүрлеу шараларының мақсаттарын, осы институттардың жеке элементтерін анықтау үшін күрделі мәселелерді қарастырған, зерттеудің дедуктивті әдісін қолданып, оларға сипаттама берген. Зерттеу нәтижелері бойынша автор талданған нормалардың жетілмегендігі, Қазақстан Республикасы Қылмыстық-процессуалдық кодексіндегі бұлтартпау және мәжбүрлеу шаралары кешеніне кіретін баптарға өзгерістер енгізудің қажеттілігі туралы қорытынды жасады.

Ch.D.Kenzhetaev

Coercive measures in the context of their intended destination

The article deals with the discrepancy of the provisions of the general logic of the criminal process to the actual state of the norms of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan describing coercion in criminal proceedings. Author discussing complex issues defining the objectives of preventive measures and other coercive measures, the individual elements of regulation of these institutions, describes them in detail, using the deductive method of investigation. The study author concludes on unique imperfection analyzed norms need to change part of the articles included in the complex of preventive measures and enforcement measures in the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan.

References

- 1 Akhpanov A.N. *Problems of criminal procedure coercion in a stage of preliminary investigation: dis. on competition of the doctor of jurisprudence*, Moscow, 1997, 300 p.
- 2 Khanov T.A. *Property questions in criminal legal proceedings of the Republic of Kazakhstan: avtoref. yew. on competition of the doctor of jurisprudence*, Almaty, 2006, 40 p.
- 3 Koryakin I.P. *Actual problems of the right: Collection of scientific works of young scientists, adjuncts and competitors*, Karaganda, 1998, rel. 56 p. 86–89; Koryakin I.P. *Problems of the criminal procedure right: Collection of scientific works*, Karaganda, 1999, p. 140–142; Koryakin I.P. *Actual problems of the right: Collection of scientific works of young scientists, adjuncts and competitors*, Karaganda, 1999, rel. 6, p. 147–150.
- 4 Bulatov B.B., Nikoluk V.V. *Measures of criminal procedure coercion (according to chapter 14 of the Criminal Procedure Code of Russia)*, Moscow: Spark, 2003, 214 p.
- 5 Mikhaylov V.A. *Measures of restraint in the Russian criminal trial*, Moscow: Right and Law, 1996, 304 p.; Mikhaylov V.A. *Criminal procedure measures of restraint in legal proceedings of the Russian Federation*, Moscow: Institute of protection of the businessman, 1997, 643 p.
- 6 Petrukhin I.L. *Integrity of human beings and coercion in criminal trial*, Moscow: Nauka, 1989, 256 p.
- 7 Magizov R.R. *Judicial control of legality and validity of application of measures of procedural coercion: avtoref. on competition of the doctor of jurisprudence*, Nizhny Novgorod, 2004, 30 p.
- 8 Tutynin I.B. *Seizure of property as measure of criminal procedure coercion. on competition of the doctor of jurisprudence*, Moscow: Ministry of Internal Affairs university of Russia, 2005, 213 p.
- 9 Abdrakhmanov R.P. *Legality*, 2003, 3, p. 21–22; Almukhamedov B., Bulatov B. *Legality*, 2003, 3, p. 22; Anashkin O. *Legality*, 2003, 8, p. 43–45; Bagautdinov F.N. *Legality*, 2003, 4, p. 13–16; Bagautdinov F.N. *Lawyer*, 2003, 1, p. 41–47; Bagautdinov F.N. *Legality*, 2002, 10, p. 14–16.